

Книга третья

БАРХАТНАЯ СТЕНЬ

Анджела
Кант

Я тут вспомнила кое-что новенькое и спешу сообщить тебе. Дело вот в чем.

В тюрьме округа Кэрролл сидят в одиночках три женщины. Одна — бывший майор армии Союза, она воевала вместе с мужчинами. Когда пули мятежников сыпались градом, она скакала на лошади и отдавала приказы солдатам. А теперь она в тюрьме, потому что нарушила военный устав.

А две другие — шпионки мятежников, их поймали и посадили в тюрьму. Изыщные женщины, явно образованные.

Больше писать нечего. Напиши мне, как получишь письмо, не тяни.

*Розетта Уэйкмен
для рядового Лайонса Уэйкмена,
153-й полк.
Волонтеры штата Нью-Йорк*

Пролог

Прошло целых три месяца с моей последней встречи с Тейлором Морганом. С началом нового семестра наши многообещающие, как казалось, отношения увяли, словно трава осенью. Листья дуба в Центральном парке обретали золотисто-коричневый цвет, а расписание Моргана все уплотнялось, да и мне скучать не приходилось: я училась и работала в книжном магазине.

Я не из тех, кто переживает о несостоявшихся отношениях. Когда в девятом классе Джефф Нейв разбил мне сердце, я тотчас приняла для себя решение: если парень не может увидеть, что я не такая, как все, я расстанусь с ним без сожалений. Только не подумайте, будто я считаю себя особенной. Просто я уверена, что если не сбылось, значит, Господь ждет от меня чего-то другого.

И я стала жить дальше, похоронила свое увлечение Кахирой О'Коннор и ее потомками с той же решительностью, с какой отказалась от Тейлора Моргана. Когда я занималась исследованием истории Аники из Праги, у меня голова шла кругом от энтузиазма, а работа над историей жизни Эйдан О'Коннор вдохновлялась общением с Тейлором. Но Тейлор ушел из моей жизни, а вместе с ним ушло и желание читать, исследовать и писать. Я даже не вспоминала Кахиру О'Коннор

несколько недель, потому что мысли о ней тотчас оживляли воспоминания о нем...

Однажды днем, накануне рождественских каникул, я с изумлением обнаружила Тейлора сидящим на ступеньках моего дома. На нем было теплое пальто с поднятым для защиты от ветра воротником. В первую секунду я испугалась, увидев на крыльце незнакомца. Но тут в мою сторону сверкнули его синие глаза, и у меня подогнулись колени.

— Привет, — сказал Тейлор чуть приглушенным воротником и шарфом голосом. — Рад видеть тебя, Кэтлин.

Я сжала губы и надеялась, что он не заметит, как вспыхнули мои щеки.

— Тейлор? Что привело тебя сюда?

Он чуть улыбнулся и стиснул руки в перчатках:

— Случайно проходил мимо.

Он сказал неправду, и мы оба это знали. Жизнь Тейлора была ограничена домом и колледжем, а и тот, и другой находились в Верхнем Вест-Сайде. Он бы не отправился сюда без особой нужды.

Я переложила пакет с продуктами из одной руки в другую, не зная, что еще сказать. Мы встречались с ним летом, но недолго, потом разошлись. Должна ли я проявить дружелюбие и пригласить его на чашечку чая или честно сообщить, что у меня занятие по Чосеру через полчаса?

Я отвернулась, чтобы не видеть его неотразимых синих глаз, и напомнила себе о решении забыть его.

— Тейлор, приятно было увидеть тебя, но...

Он остановил меня, подняв руку.

— Кэтлин, я пришел не затем, чтобы надоедать тебе, — сказал он. — Я подумал, что ты должна знать о профессоре.

— О профессоре Говарде? — И я заулыбалась, вспомнив обходительного человечка, который впервые рассказал мне легенду о Кахире О'Коннор. Он отправил меня в самое удивительное приключение в моей жизни. — Чем сейчас занимается профессор? Защитил еще одну докторскую диссертацию? — Я посмотрела на него с притворным удивлением. — погоди, дай отгадаю — ему вручили Нобелевскую премию!

Мой голос сочился сарказмом, отчего мне стало неловко. Я вела себя как брошенная любовница, но ведь Тейлор Морган ничего мне не обещал, никогда не говорил, что мы больше чем друзья. Так почему мое сердце стучит, как барабан?

Тейлор поднялся со ступеньки и сунул руки в карманы, потом перевел взгляд на дорожку:

— Профессор Говард умер, Кэтлин.

Странное оглушающее ощущение пронзило мозг. Профессор не мог умереть! Я же ужинала с ним всего шесть месяцев тому назад, и он прекрасно выглядел. Он ведь вовсе не старый, всего пятьдесят пять или около того.

— Умер? — с трудом выдавила я.

— У него были проблемы с сердцем. — Лицо Тейлора напряглось. — Я нашел его в кабинете сегодня утром. Он сидел, опустив голову на стол, а рука его лежала вот на этом.

Тейлор достал коричневый конверт из кармана своего пальто и передал мне.

Я нахмурилась, прочитав на нем свое имя, написанное аккуратным почерком профессора. В центре конверта прямо под моим именем были еще слова: Фланна О'Коннор. Последняя из потомков Кахиры. Это имя я когда-то отправила в свой виртуальный уничтожитель бумаг и постаралась забыть.

Мир вокруг стал каким-то нереальным. Я посмотрела на Тейлора:

— И что это значит?

— Я хотел бы зайти и все рассказать. — Он снова посмотрел на свои ботинки. — Для профессора это было важно, поэтому я решил, что ты должна знать. Если, конечно, у тебя есть время.

Мое сердце сжалось от сострадания, когда я взглянула ему в лицо. Тейлор Морган всегда был таким уверенным и энергичным, но сегодня он был как потерянный, ведь он высоко ценил своего учителя. Несмотря на мое большое разочарование от того, что наши отношения так ни во что и не вылились, он по-прежнему оставался моим другом.

Я решила, что смогу взять конспект у своей однокурсницы. Остаться с Тейлором было гораздо важнее, нежели изучать «Кентерберийские рассказы».

— Проходи. — Я взяла конверт и начала подниматься. Открыв дверь, я провела его в квартиру и показала на диван в гостиной. — Подожди здесь, — сказала я, направляясь на кухню. — Сейчас приготовлю что-нибудь, и ты мне все расскажешь.

Тейлор молча направился к дивану. Когда он проходил мимо меня, мне показалось, что щеки его мокры от слез.

Через десять минут на столе уже стояли две чашки горячего чая, и я взяла в руки конверт профессора. Баркли, мой защитник-мастифф, небрежно обнюхал послание и растянулся возле окна, решив понаблюдать за происходящим с безопасного расстояния.

Тейлор сел и взял чашку со стола. Он держал ее обеими руками, все его притворное веселье испарилось. Теперь он выглядел как человек, потерявший лучшего друга, и я поняла, что недооценила отношения пожилого мужчины с его любимым учеником.

— Мне очень жаль профессора, — сказала я, опускаясь в кресло напротив. Я хотела погладить руку Тейлора, но постеснялась. — Я знаю, он многое значил в твоей жизни.

— Он был мне как отец. — Взгляд Тейлора соскользнул с моего лица на ковер. — Прости, я немного не в себе, все еще не отошел от шока. Сегодняшний день стал для меня кошмаром: все эти расспросы и хлопоты. — Лицо Тейлора стало напряженным. — Мне приходится все организовывать. У профессора Говарда не было семьи. Он не был женат, а его родители умерли.

— Как это ужасно! А откуда ты знаешь, что нужно делать?

— Я обнаружил конверт перед картотеккой, а в нем нашел его последнюю волю. Его библиотека переходит колледжу, личные сбережения — благотворительной организации, и он хотел, чтобы его тело кремировали. Он не желал торжественной церемонии, никакой суеты.

Я непроизвольно нахмурилась:

— Совсем по-спартански.

— Именно этого он и хотел. — Взгляд Тейлора упал на конверт, лежавший у меня на коленях, и его синие глаза немного

потеплели. — Поскольку конверт лежал на рабочем столе, я подумал, что он хотел, чтобы ты как можно скорее его получила. У меня создалось впечатление, что он сжимал его в руках, умирая.

На меня обрушился целый поток мыслей и чувств, когда я посмотрела на конверт: он был совсем новым, но от него пахло плесенью, словно он долго лежал на чердаке. По бокам пакет раздулся, то, что положил в него профессор, едва умещалось в нем.

— Как думаешь, что это? — спросила я (мне было страшно-вато его открывать). — Он ведь не искал информацию о Кахи-ре О’Коннор для меня?

— Возможно, искал. — Тейлор вытянул руку на спинке дивана, поворачиваясь ко мне. — Знаешь, он очень огорчился, когда узнал от меня, что ты ничего не говорила о планах продолжить работу над историей Фланны О’Коннор. Не сомневаюсь, он хотел узнать как можно больше... и как можно быстрее.

Меня обдало жаром от чувства вины. Я даже не начинала работу, решив, что двух больших романов, посвященных потомкам О’Коннор, вполне достаточно. Ведь у меня работа, колледж, занятия и, наконец, — *жизнь*. Профессор был в восхищении от предсмертной молитвы Кахиры, но я все равно не верила, что являюсь ее родственницей, затерянной в веках. Когда я впервые встретила профессора, он поспешил сообщить мне, что все достойные внимания родственники Кахиры были рыжими с белой прядью волос, свидетельствующей о пиебалдизме, совсем как у меня. Но ведь это случайное совпадение, стечение вероятностей, каприз природы, происходящий раз в двести лет.

— Ты не собираешься его открыть? — Тейлор произнес свой вопрос тихим голосом, но таким странным, что у меня побежали мурашки по рукам.

— Я и так знаю, о чем письмо, — сказала я, помахивая конвертом. — Профессор считал, что я потомок Кахиры. И все это потому, что у меня рыжие волосы с белой прядкой. Он полностью уверен — *был* уверен, — что я совершу в своей жизни что-то невероятно важное. Но это не так. Если мне повезет,

я смогу получить работу в газете. Я не героиня, я обычный человек. Я много раз говорила профессору, что я только писательница, мне удалось написать истории Аники и Эйдан и...

— Но ты остановилась, не завершив труд. — В его тоне угадывался упрек.

Я открыла было рот, собираясь резко остановить его, но передумала. Бессмысленно говорить, что я страшно устала читать, писать, проводить исследования. Сам Тейлор с большей радостью проводит время в библиотеке, нежели в кино; возможно, это и была причина, не позволившая нашим отношениям развиваться.

— Мне очень жаль. — Я произнесла эти слова как искреннее и запоздалое извинение перед профессором Говардом. — Если бы я знала, что он хочет знать... что ему оставалось только несколько месяцев...

— Открой, — бесцветным голосом велел мне Тейлор.

У меня дрожали пальцы, когда я вскрывала конверт и вытряхивала содержимое себе на колени. В нем оказалась книга в кожаной обложке, высохшей и поблекшей от времени, и письмо на фирменном бланке Городского колледжа Нью-Йорка. Я тотчас узнала аккуратный почерк профессора Говарда.

Моя любезнейшая мисс О'Коннор,

не могу передать, насколько я Вам благодарен за Вашу работу над биографиями Аники из Праги и Эйдан О'Коннор! Тейлор прочитал Ваши первые рукописи, где, как я понимаю, Вы очень живо, буквально на одном дыхании, описываете женщин, весьма похожих на Вас. Он очень высокого мнения о Вашей работе. Bravo, моя дорогая! Вы отлично справились.

И я догадываюсь, что Вы взяли творческий отпуск в исследованиях потомков О'Коннор. Хотя я могу понять, что Вам необходимо сбавить темп, я все-таки начинаю за Вас бояться, Кэтлин. С каждым закатом солнца мы все ближе подбираемся к миллениуму, и Вы войдете в новое тысячелетие в качестве наследницы Кахиры О'Коннор. Я даже не пытаюсь представить те чудеса и ужасы, которые принесет

с собой новый век, зато я знаю, что Вы встретите его подготовленной. Я уверен, что благодаря своим работам Вы обрели духовную стойкость Аники из Праги и радость творчества Эйдан. Я очень надеюсь, что Вы проявите эти качества, когда столкнетесь с будущим.

Остается только Фланна из девятнадцатого века. Признаюсь честно, я боялся, что Вы можете начать свои исследования, когда я уже не смогу помогать Вам, поэтому сам провел небольшую работу. Нам очень повезло, знаете ли, потому что у женщин Викторианской эпохи ведение дневников было обычным делом, и наша Фланна не стала исключением. Сам Господь нам помогает. Прилагаю дневник Фланны, который я обнаружил в Бостонском музее и купил для Вас.

Я не могу допустить, чтобы Вы вступили в следующий век неподготовленной, мисс О'Коннор. Вы уже на две трети прошли тот путь, который поможет Вам в будущем справиться со своей миссией. А посему открывайте дневник Фланны и черпайте из него все, что сумеете. И знайте, я желаю Вам всего наилучшего, счастья и успехов в трудах.

*С любовью и надеждой на благословение
Господа для Вас,
Генри Говард*

— Он купил его... для меня? — Я уронила письмо на стол и погладила шершавый переплет рукой, вдыхая аромат веков и пыли. Если эта книга попала ко мне из музея, значит, профессор заплатил за нее немало. Подумать только, он сделал это для меня!

— Мне кажется, — Тейлор грустно улыбнулся, — он начал считать тебя своей дочерью. Он часто говорил о тебе и дорожил теми немногочисленными записками о ходе исследования, которые ты ему присылала.

Немногочисленные записки. Я поежилась; как жаль, что я не постаралась ближе узнать профессора. Несколько месяцев тому назад, когда мы только познакомились, я посчитала его эксцентричным пожилым мужчиной, питающим слабость к рыжеволосым девушкам. Но позднее я узнала, что он

блестящий ученый, профессор истории, способный сочувствовать куда больше, чем все мои преподаватели вместе взятые.

Однажды он понял, что потомки ирландской принцессы Кахиры О'Коннор были связаны между собой, и забеспокоился обо мне. На смертном одре Кахира О'Коннор молила небеса позволить ее потомкам сражаться за правду в этом мире, и каждой женщине, унаследовавшей ее рыжие волосы и белую прядь, передавалась по наследству необычная судьба. Аника из Праги, жившая в пятнадцатом веке, стала рыцарем и сражалась в Гуситских войнах в Богемии против духовной коррупции. Эйдан О'Коннор переделалась простым моряком, чтобы сбежать из мерзкого общества в портовом квартале голландской Батавии, а позднее стала всемирно известной художницей и филантропом. А Фланна О'Коннор...

В памяти тотчас возникла единственная запись, которую мне удалось разыскать в Интернете: *Фланна О'Коннор, уроженка Чарлстона, которая переделалась солдатом и участвовала в Гражданской войне, сражаясь рядом с братом. Ее прозвали Бархатная Тень, она прославилась удивительной способностью вытаскивать раненых товарищей из-за линии фронта, ее рыжие волосы пересекала необычная белая прядь.*

А теперь у меня есть дневник Бархатной Тени. Я вздрогнула от этой мысли, открыла книгу и пролистала ее. Строчка за строчкой, написанные аккуратным почерком, заполняли пожелтевшие страницы, чернила выцвели, но пока читались.

— Я не знаю, насколько хорошо сохранился этот дневник. — Тейлор задумчиво постукивал кончиками пальцев по колену. — Но для начала тебе хватит материала. И должен добавить, что полностью согласен с профессором Говардом — тебе нужно поспешить. Уже приближается Рождество, а там и Новый год. — Он наклонился ко мне и посмотрел с состраданием и нежностью: — Что ты станешь делать, Кэтлин, если в ближайшем будущем столкнешься с большой бедой?

— Ты действительно думаешь, что это может случиться? — Я неуверенно улыбнулась. Сердце грела мысль, что Тейлор беспокоится обо мне, но все-таки меня немного смущала его тревога за мое будущее.

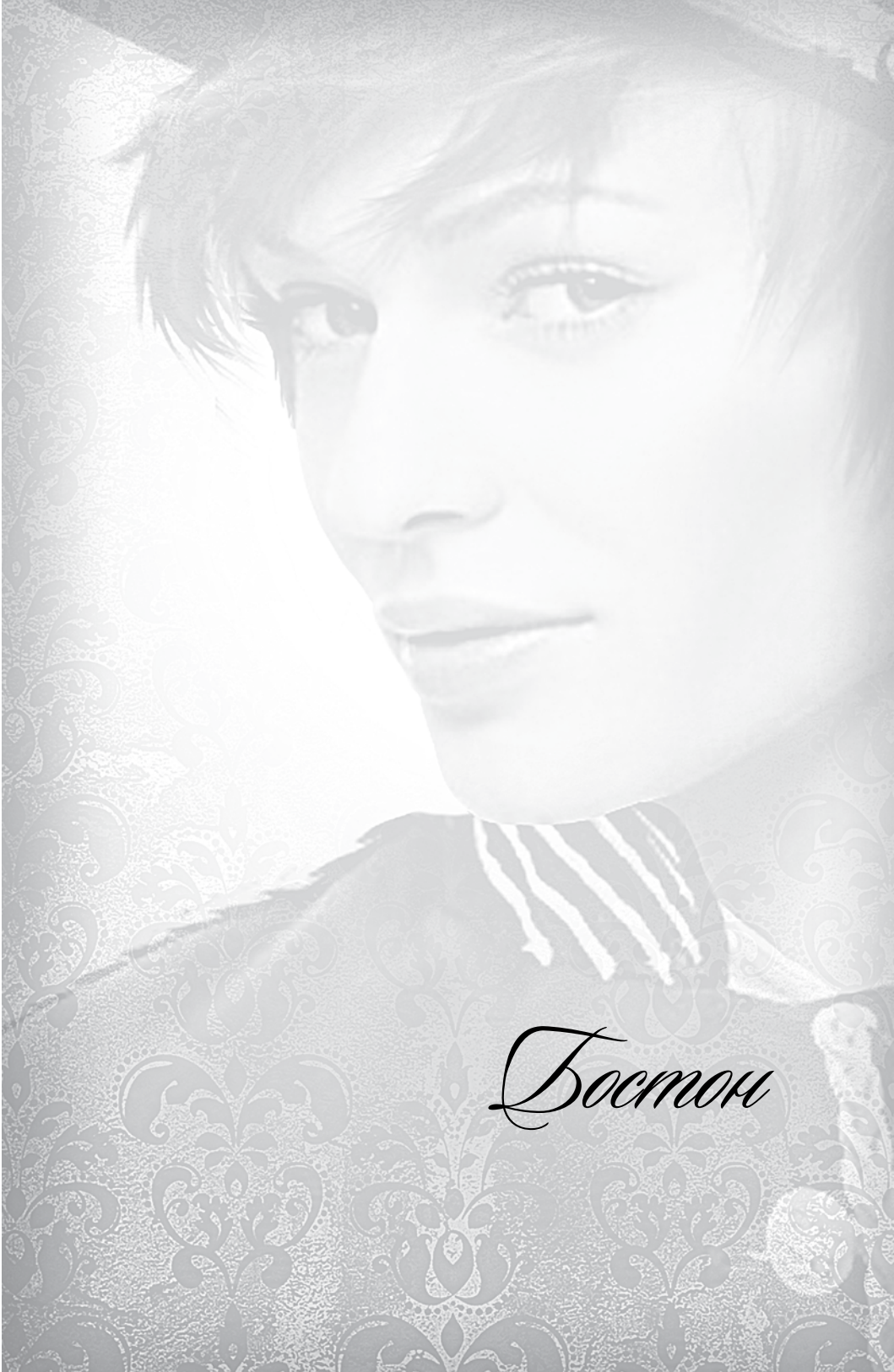
— Не знаю, что будет завтра, — сказал Тейлор и провел рукой по лицу, — как не знал и профессор. Зато у него была отлично развита интуиция, он мог предсказать, как люди поведут себя в тяжелые времена, а ты и сама знаешь, что потомки Кахиры всегда блестяще справлялись с трудными испытаниями, выпадавшими на их долю. — Морщинка у него между бровей становилась все заметнее, по мере того как он углублялся в свои мысли. — Профессор никогда не выдавал себя за предсказателя судеб, но всегда повторял, что каждое время таит свои испытания, — а каждое десятилетие, по той же причине, несет свои беды. В семидесятые годы умы людей занимала война во Вьетнаме; в восьмидесятые — терроризм; девяностые отличались большим количеством стихийных бедствий. Грядущее десятилетие таит в себе свои трагедии, и кто знает, не будешь ли ты вовлечена в какие-то жизненно важные события? Профессор Говард желал убедиться, что ты хорошо подготовлена к тому, что тебя ожидает, — как наследницу Кахиры О'Коннор.

Я опустила глаза и удобнее уселась в кресле, подобрав ноги. Пока Тейлор потягивал свой чай, я открыла дневник и перевернула несколько страниц.

Первая запись была датирована 24 декабря 1860 года. Женским почерком с наклоном там было написано:

Эта книга — прекрасный подарок! Роджер Хейнз продолжает удивлять меня! Сегодня я обедала у мистера Хейнза и его матери в их замечательном доме в Бикон-Хилле, и мое сердце, раненное тоской по дому, отозвалось на их веселье и доброту ко мне. Я даже почти не скучала по папе, Уэсли и Чарлстону, но при каждом порыве ветра я непроизвольно напрягалась, ожидая услышать шум волн с дамбы, шуршание листьев веерной пальмы и зычный смех Уэсли. Как странно праздновать Рождество вдали от дома!

Неожиданно книга захватила меня, и я продолжила читать.

Бостон

*Все говорят о женской сфере,
Как будто есть ее предел.
Но не найдете места на земле и небе,
Как не найдете данных свыше дел...
Где обошлось без женщин.*

Кейт Филд, 1838–1896,
американская писательница

Глава 1

— **М**ы очень рады, мисс О'Коннор, что вы смогли отвлечься от своих занятий и присоединиться к нам. Фланна оторвала взгляд от сверкающего хрусталя и поблескивающего серебра на столе красного дерева, встрети-лась взглядом с хозяйкой.

— Вы оказали мне большую честь приглашением. — Де-вушка склонила голову перед женщиной почтенного возраста, которая стояла во главе стола. — Я опасалась, что буду встре-чать Рождество в пансионе одна со служанкой.

— У вас есть служанка? — Тонкие губы миссис Хейнз на миг плотно сжались, она напряженно сглотнула. — Вы говорите о той темнокожей девушке, с которой вы сюда пришли сегодня?

— Успокойтесь, мама. Чарити — свободная негритянка, — откликнулся Роджер, выдвигая стул для Фланны. — У Флан-ны нет рабов. — Он эффектно взмахнул рукой: — Миледи, присаживайтесь.

Фланна вымученно улыбнулась и ловко протиснула свои пышные юбки в узкое пространство между стулом и столом, затем села. Миссис Хейнз помогал устроиться дворецкий, пожилая женщина чуть прищурила голубые глаза, наблю-дая, как Роджер усаживается на свободный стул между ней и Фланной.

— Я всегда считала, — заявила миссис Хейнз, рассеянно теребя рукой сверкающие драгоценности на шее, — что в Южной Каролине рабы есть у всех. Во всяком случае, джентльмены из Южной Каролины в Конгрессе яростно поддерживают рабовладение.

— Мама, уверяю вас, нет никаких причин беспокоиться по этому поводу. — Роджер нахмурился. — Фланна из Чарлстона, а ее отец врач. Чарлстон — крупный порт; там нет плантаций, таких, как те, где жили твои любимые персонажи из романа Бичер-Стоу «Хижина дяди Тома».

Тонкие губы женщины слегка расслабились.

— Наверное, не следует с предубеждением относиться к человеку из-за места его рождения. Мисс О'Коннор, я очень рада, что ваша семья не рабовладельцы. Я считаю своим долгом защищать всех угнетаемых и отстаивать права и женщин, и темнокожих.

— Очень благородно с вашей стороны, мэм. — Фланна улыбнулась и сложила руки на коленях. Роджер предупредил ее, что его мать стала ярой аболиционисткой*, после того как прочитала «Хижину дяди Тома».

— А вы много читаете? — Миссис Хейнз элегантно приподняла бровь.

— Довольно много, — ответила Фланна. — В основном книги по медицине. Я оканчиваю медицинский колледж.

— Вы обязательно должны прочитать «Равенство полов и положение женщин» Сары Гримке. — Миссис Хейнз развернула салфетку с громким хлопком. — Полагаю, вы слышали о ее сестре, Ангелине? Она тоже родилась в Чарлстоне, но сейчас считается там персоной нон грата, по всем сведениям. Не удивительно, что ее больше не желают принимать на Юге. Книги ее и сестры побудили женщин южных штатов выступить против рабовладения. Удивительно отважные сестры Сара и Ангелина Гримке.

Фланна сделала глубокий вдох и медленно выдохнула. Она, конечно, слышала о сестрах Гримке — весь Чарлстон считал

* Аболиционисты — сторонники общественного движения за отмену закона о рабовладении в США. — *Примеч. пер.*

их чрезвычайно грубыми женщинами. Они переехали на Север и начали издавать книги, где сетовали на положение женщин в целом и рабынь в частности. Знать Чарлстона не обращала на сестер никакого внимания, зато северяне возводили их чуть ли не в ранг святых.

За два года жизни в Бостоне Фланна устала от ядовитых высказываний в отношении рабовладения. Здравый смысл и хорошие манеры подсказывали, что ей не следует обращать на это внимание, но она не смогла сдержать себя и решила объяснить истинное положение дел этой жительнице Бостона. Ведь Роджер заверял ее, что его мать — человек широких взглядов.

— Дело в том, миссис Хейнз, — начала Фланна со спокойной улыбкой, — что менее одной четверти жителей Юга имеют рабов. Мой отец врач, и ему не нужны работники на полях. Чарити — моя служанка, естественно, а у папы есть камердинер, но все наши слуги из свободного темнокожего населения Чарлстона.

— Вот видите! — Роджер скрестил руки на груди и победоносно посмотрел на мать. — Так что ваши чувства в безопасности. А теперь позовите Говарда, пусть подает суп. Я умираю от голода.

— Минуточку, Роджер, прошу вас. — Фланна чуть коснулась рукой рукава Роджера (максимум допустимого в отношении мужчины, который еще не перешел из разряда ухажеров в разряд женихов). — Ваша мать умная женщина; и я не сомневаюсь, что она хочет услышать правду, всю и без утайки.

Роджер бросил на нее предупреждающий взгляд, но Фланна решила проигнорировать его.

— У моего старшего брата, — начала она, снова улыбаясь хозяйке, — рисовые плантации под Чарлстоном. У Уэсли, как мне кажется, больше сотни рабов, в мой последний визит к брату я убедилась, что они вполне счастливы под его защитой. Несмотря на все, что вы могли слышать о жизни на плантациях, могу вас заверить, мой брат не бьет своих рабов и не позволяет разлучать семейные пары.

Лицо миссис Хейнз тотчас приняло выражение ужаса и неодобрения.

— Так значит, в вашей семье *держат* рабов!

— Мама, вспомните о своем хрупком здоровье, — предупредил Роджер. — Ваши нюхательные соли при вас?

— Да. У моего брата есть рабы, как и у большинства джентльменов в сельской местности, — продолжила Фланна, постукивая кончиками пальцев. — По мнению брата, рабовладение совершенно незаконно и неоправданно. Он соглашается, что это зло с теоретической и моральной точек зрения. Но не мой брат и не политики моего штата выбрали рабовладение. Его предписали им после тщательного рассмотрения их предки.

Распахнулась дверь. Фланна подняла глаза, она уже проголодалась и была готова начать обед, но Говард, дворецкий-ирландец, взглянул на хозяйку и застыл с дымящейся супницей в руках.

Миссис Хейнз сделала вид, что не заметила его появления.

— Ваш брат, — она наклонилась вперед и помолчала для пушщего эффекта, — явно *купил* своих рабов по случаю.

— Да, действительно.

— Тогда как вы можете говорить, что он не поддерживает работорговлю?

Фланна вскинула подбородок, ее убранные под сеточку волосы легли ей на шею сзади. Продолжая спокойно смотреть на хозяйку дома, она ответила:

— Если бы Уэсли их не купил, что бы с ними случилось? Вы же не думаете, что им было бы лучше у работорговца в менее цивилизованной части страны! Мы не пребываем в неведении относительно жестоких варваров, применяющих насилие к темнокожим, но, с другой стороны, мне известны случаи, когда люди вершат насилие и над своими собственными детьми. Следует ли нам запретить семьям иметь детей на том основании, что некоторые родители бьют их или не любят? Как же можете вы запрещать рабовладение там, где лишь немногие проявляют жестокость?

— Потому что рабовладение само по себе жестоко! Потому что черный человек тоже хочет быть свободным!

Фланна встретила взглядом с миссис Хейнз и не отводила его:

— При всем моем уважении к вам, мэм, я не думаю, что вы можете знать, чего хотят темнокожие. Нельзя понять эту расу, не пожив с ними рядом.

Миссис Хейнз насупила тонкие седые брови и даже привстала от возмущения:

— Я прекрасно их понимаю! Я читала книги миссис Стоу и регулярно переписываюсь с квакерами, которые с риском для жизни помогают переправлять беглых рабов через границу к свободе.

Фланна слегка кивнула и улыбнулась своей пустой тарелке. Ей так хотелось вскочить и накричать на этих северян с их предрассудками, но она была леди и гостья в этом доме. Годы оттачивания хороших манер, принятых в приличном обществе, невозможно перечеркнуть за один вечер. Пусть эти янки, аболиционисты и суфражистки*, развлекаются нападками на то, чего не понимают, Фланна станет держать язык за зубами, все равно она скоро уедет из этого города.

Но все-таки она не сдержалась и подняла последний вопрос.

— Миссис Хейнз, — она сделала паузу, чтобы успокоиться и умерить растущее раздражение, — вы когда-нибудь думали о последствиях, когда три миллиона человек, рожденных и выросших в неволе, вдруг должны будут взять на себя обязательства, заботы и труды, которые предоставит им свобода? Рабы моего брата не умеют читать и писать, они привыкли жить на полном обеспечении. Для многих из них, как я опасаюсь, свободная жизнь окажется ужаснее и тяжелее, чем та, что была у них на плантации.

— Избалованный камердинер — такой же невольник, как и изнуренный работой раб на плантации. — В глазах леди блеснула насмешливая искорка. — *Вы* бы хотели для себя такой жизни, вместо той, которую вы ведете сейчас, мисс О'Коннор?

Губы Фланны изогнулись в улыбку. Еще в детстве она несколько раз ощущала себя в какой-то степени рабыней. Тетуска Марсали, которая занималась превращением Фланны

* Суфражистки — участницы движения за предоставление женщинам избирательных прав. — *Примеч. пер.*

из длинноногого сорванца в девушку, постоянно донимала ее замечаниями о том, чего молодая леди не должна делать.

Она склонила голову в знак признания, что задан удачный вопрос.

— Кажется, это Томас Джефферсон писал, что рабовладение — волк, которого держат за уши. — Она улыбнулась и сложила руки на коленях, принимая спокойную позу. — Мы не можем долго удерживать его, но и не решаемся отпустить.

— Что ж, давайте надеяться, что волк не расвирепееет и не разнесет наш дом на куски.

Роджер воспользовался временным затишьем и дал знак дворецкому подавать суп.

— Смотрите, леди, суп готов! Заходите, Говард, пока он не остыл. Сначала обслужите маму. Она любит суп из морепродуктов горячим.

Фланна заметила упрек во взгляде миссис Хейнз, брошенном на сына, и подавила улыбку, делая вид, что оглядывает праздничный стол. Богатая, обладающая чувством гражданского долга, миссис Хейнз, видимо, удивлялась, что ее сын привел в дом дикарку с Юга. На миг девушке захотелось оказаться на кухне вместе с Чарити и другими слугами. Первые залпы в этой битве уже прозвучали, правда, пока довольно тихо, и одному лишь Господу известно, куда миссис Хейнз может завести разговор.

Фланна взяла салфетку и расстелила на коленях, в душе она опасалась, что их застольная беседа может перерасти в жаркий спор. Ей очень нравились такие дебаты с братом и отцом, иногда она сознательно занимала в них не ту позицию, которую поддерживала, чтобы посмотреть, как она сможет противостоять их мужскому складу ума. Одно дело стычки в семье, но застольная беседа в доме женщины, глубокоуважаемой в бостонском обществе, — совершенно другое. Она не допустит, чтобы ее втянули в спор о рабовладении. Ведь этот вопрос совсем не касается ее лично, но все, начиная с хозяйки пансиона и кончая сокурницами, считали своим долгом обвинять Фланну во всех грехах и несправедливостях Юга.

— Мама, я говорил, что Фланна лучшая на своем курсе? — Роджер пожал руку матери, при этом чуть не выбил поварешку из рук дворецкого, который наливал суп в его тарелку. — Она очень умная молодая женщина.

— Во всяком случае, весьма решительная. — Миссис Хейнз поджала губы, глядя, как дворецкий наливает суп Фланне. — Судя по всему, у вас есть свое мнение по многим вопросам. Я восхищаюсь тем, что вы взялись изучать медицину.

Фланна улыбнулась, скрывая свое раздражение от слова «взялись».

— Да, мэм. Я всегда хотела пойти по стопам отца, а некоторое время тому назад я обнаружила, что ему будет очень кстати иметь партнером женщину. Многие женщины слишком скромны, чтобы вызывать врача-мужчину, а повитухи не могут справиться со всеми медицинскими случаями.

Живые голубые глаза миссис Хейнз снова загорелись.

— Должна заметить, я всегда считала, что женщины-врачи крайне необходимы. Я сама вздрагиваю каждый раз, когда нужно идти к врачу-мужчине, а мой муж, генерал, — да упокоит Господь его душу — всегда настаивал на своем присутствии при осмотре. Мужчина-врач — это испытание для женской чувствительности. — Она улыбнулась Фланне даже с некоторым одобрением. — Поздравляю вас, дорогая, с тем, что выбрали эту профессию. И надеюсь, вы сумеете найти хорошего врача, который поможет вам в трудных случаях.

Фланна стиснула пальцы под столом, пока не прошло желание придушить эту женщину.

— Спасибо за поддержку, — сказала она, заметив краешком глаза раздраженное выражение лица Роджера, — но даже если я буду работать с отцом, не думаю, что мне понадобится помощь в сложных случаях. Мое образование в колледже достаточно полное. Когда я закончу, думаю, что смогу лечить и вас, не обращаясь к другому врачу. В принципе я даже смогу лечить... — она подняла глаза и поймала полный изумления взгляд дворецкого, — Говарда.

— Что вы такое говорите! — Вдова принялась тереть украшение на шее, потом сдавленно рассмеялась. — Разве

я могу позволить рабовладельцу приблизиться к моим верным ирландским слугам!

— Мадам, мое присутствие здесь едва ли требуется, — запинаясь, сказал дворецкий и густо покраснел.

— Она просто привела пример, Говард, — сказал Роджер, знаком отпуская слугу. Затем внимательно посмотрел на мать: — Послушайте, Фланна ведь уже говорила, что у нее нет рабов и что она считает рабовладение отвратительным. И вы должны признать, что она готова пополнить ваши ряды суфражисток.

Проницательный взгляд миссис Хейнз переместился на Фланну.

— А что вы думаете, моя дорогая, в отношении женщин и избирательных прав?

Фланна хотела бы сказать все, что думает по этому поводу, но она уже и так наговорила слишком много.

— Я считаю, — сказала она, чувствуя на себе пристальный взгляд, — что женщины разбираются в политике гораздо лучше, чем думают мужчины.

Она улыбнулась, поздравляя себя с тем, что проявила такт, но миссис Хейнз не успокоилась:

— Так что вы думаете по поводу женщин и голосования? Мы — граждане этой страны, так разве мы не должны голосовать так же, как свободные американские мужчины?

Фланна бросила взгляд на Роджера, надеясь на поддержку, но он упорно смотрел на скатерть, на его щеках разлился румянец. Трус.

— Миссис Хейнз, — Фланна изобразила застенчивую улыбку, — большинство женщин, которых я знаю, вполне счастливы, что находятся под покровительством мужей и отцов. Они и так влияют на выборы и тоже играют свою роль в политике, но делают это через сердца своих мужчин.

Миссис Хейнз выпрямилась на стуле, на ее лице застыло выражение недоверия.

— Леди, — красивое лицо Роджера расплылось в улыбке, он посмотрел на мать и Фланну, — две мои самые любимые женщины на свете, вы обе сильны в своих суждениях и мне-

ниях. Но ради духа Рождества разве мы не можем отринуть разногласия и обратить наши мысли к миру на земле?

Миссис Хейнз потянулась к бокалу вина:

— Мы уже обратили, сын. Только этот дух мог заставить меня сидеть за одним столом с человеком, в чьей семье держат рабов.

— Да благословит вас Господь, мама, за вашу терпимость, — ответил Роджер сухим тоном. Он тепло улыбнулся Фланне и протянул руки, одну — ей, а вторую — матери: — Дайте мне ваши руки, леди, и позвольте попросить у Господа благословить нашу трапезу. Очень хочу надеяться, что наша беседа далее будет более приятной.

* * *

— Боюсь, мы испортили матери праздник, Роджер, — сказала Фланна, когда они неспешно шагали по заснеженной дорожке возле дома. — Ваша мать очень меня не любит.

— Вовсе нет! — возразил Роджер, смеясь. Его смех разнесся по тихой улице. У него за спиной высился четырехэтажный кирпичный дом, старинный и неприветливый, освещенные окна походили на неодобрительные глаза миссис Хейнз. — Она считает вас весьма... оригинальной.

Фланна убедилась, что Чарити удобно устроилась на сиденье, потом с помощью Роджера шагнула в заскрипевший фаэтон. Четырехколесный экипаж с поднятым верхом защищал их от зимнего ветра, он напомнил ей кабриолет отца, на миг тоска по дому охватила ее. Девушка взяла себя в руки, напомнив, что следующее Рождество она, вне всякого сомнения, проведет дома, и скользнула на дальний конец сиденья. Роджер сел рядом с ней.

— Простите меня, дорогой.

Фланна подняла руки, чтобы Роджер закрыл ей ноги пледом, и вздохнула с облегчением, когда он взял в руки поводья и причмокнул, трогая лошадь с места. Она была рада тому, что вечер наконец-то закончился.

— Простите меня, Роджер, что испортила вам Рождество. — Она потерла кончик носа, который наверняка покраснел

от холода. — Мне не следовало так откровенно высказываться. Ваша мать, возможно, подумала, что я оказываю на вас плохое влияние.

— Моя мать питает отвращение к рабовладению, но вас она обожает. — Роджер направил лошадь в узкую улочку, которая отделяла роскошные особняки от площади Луисбург. — Ей нравятся решительные женщины. Вы должны услышать, как она защищает право женщин на равную с мужчинами оплату труда.

— Я мало что понимаю в этом вопросе, — призналась Фланна, ее взгляд скользил по обнаженным ветвям деревьев, которые простирались у них над головами, словно навес. — Мне все равно, сколько мне заплатят; отец полностью обеспечивает меня. Я хочу одного — чтобы женщины получали необходимую им медицинскую помощь.

Роджер посмотрел на нее, его темные брови озорно приподнялись:

— Мама, возможно, никогда в этом не признается, но она восхищается доктором Элизабет Блэкуэлл. Она следила за карьерой этой женщины несколько лет и очень радовалась, когда доктор Блэкуэлл открыла в Нью-Йорке клинику для женщин.

— Доктор Блэкуэлл тоже из Чарлстона. — Ее мысли тотчас с тоской обратились к дому. — Интересно, она так же скучает по дому, как я?

— Фланна, дорогая, не нужно так терзать себя. — Роджер взял поводья в правую руку и обнял девушку за плечи левой рукой. — Только дайте мне знак, и я соглашусь заботиться о вас до конца моих дней. Вы могли бы замечательно жить здесь, в Бостоне. Я бы рекомендовал вас всем светским дамам города, и вы лечили бы женские болезни в свое удовольствие. А когда вам надоест медицина, я мечтаю завести детей, столько, сколько вы захотите.

Мужчины всегда проявляли к ней интерес, и девушка давно научилась ловко уводить разговор от темы замужества.

— Вы так уверены в своем влиянии, мистер Хейнз? — Она изобразила улыбку. — Не думаю, что ваша мать стала бы обращаться ко мне как к врачу.

Оглавление

<i>Пролог</i>	7
Бостон	17
Бэллс-Блафф	139
Ричмонд	245
<i>Эпилог</i>	429
<i>От автора</i>	428

